

Марина Черевко

МАРИЯ БОРИСОВНА ДАРГОМЫЖСКАЯ В КРУГУ СЕМЬИ И В МИРЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Я бы хотела воскресить историю одной забытой жизни, судьбы, так и оставшейся в тени своих знаменитых родственников. Если мы живем в этом мире, то нельзя забывать людей, находящихся рядом или некогда живших прежде, надо уметь понять их мир. Нельзя перечеркивать память о прошлом, ведь это оплот настоящего, тот остов, на котором держится наша жизнь.

Фамилия Даргомыжских общеизвестна. Каждый, конечно, слышал о композиторе Александре Сергеевиче Даргомыжском¹, и многие знакомы с его творчеством. Если же добавить, что Мария Борисовна – урожденная княжна Козловская, то некоторые вспомнят князя Петра Борисовича Козловского, известного дипломата, общественного деятеля, публициста². В исследованиях об этих знаменитых людях Марии Борисовне посвящены лишь немногие строки, в которых ее образ ограничен ролью матери и сестры, чего явно, по моему мнению, недостаточно для его полного прояснения и оценки.

М. Б. Даргомыжская родилась в эпоху царствования Екатерины II, а умерла незадолго до смерти императора Николая I, она была современницей Байрона, одной из первых читательниц «Безделок» Карамзина. Неизгладимое впечатление произвел на меня портрет Марии Борисовны, приложенный к статье о ней в словаре «Русские писатели»³. Сколько чистоты, света, глубины в ее чертах, а в глазах светится праведное счастье. Ее руки на этом портрете – словно два крылышка у маленькой птички. На помощь пришло выделенное в статье особым шрифтом название написанного ею стихотворения – «Смерть Чижика, и рождение страсти к стихотворству»⁴. Я поняла: смиренно сложенные руки на портрете Даргомыжской похожи на крылышки чижика, описанного в этом стихотворении, которое нельзя воспринимать отдельно от биографии автора, используя критерии, применимые для ее великих современников.

Если добраться до истока и смысла произведений М. Б. Даргомыжской без боязни разбиться о неровности стиля ее стихов, то можно постичь суть не только этих творений, но и всей ее жизни.

Что может сказать тонкий ценитель поэзии о строках из стихотворения о чижике:

¹ См.: Пекелис М. С. А. С. Даргомыжский и его окружение. Т. 1. М., 1966; Тарасов Л. М. Даргомыжский в Петербурге. Л.: Лениздат, 1988.

² См.: Pingaud L. Le prince Kosloffski // *Revue d'histoire diplomatique*. 1917. № 1; Rauch G. von P. B. Kozlovskij als russischer Gesandter in Stuttgart // *Osteuropa in Geschichte und Gegenwart*. Köln; Wien. 1977. S. 117 – 134; Struve G. P. Towards a biography of Prince Peter Koslovsky... // *California Slavic Studies*. 1980. Vol. 11. P. 1 – 24.

³ См.: Русские писатели 1800 – 1917: Биограф. словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 87.

⁴ См.: Благонамеренный. 1826. № 5. С. 288 – 292.

Я с самых детских лет Поэзию любила,
Любила песенки и сказочки читать;
В них утешенье находила
Тогда, как сверстницы лишь думали играть...

В них отражается портрет времени, соединены два литературных этапа: уходящей эпохи классицизма и нарождающейся – карамзинской эпохи сентиментализма. Поэтесса возвышает роль самой обыкновенной птицы – чижики, который был ее любимцем и утешал в трудные минуты жизни. И когда кошка съела чижику, это событие превратилось для нее в настоящую трагедию. Вот почему строки для надгробия любимой птицы («Надгробие писать я Чижику решаюсь...») стали для Марии Борисовны началом рождения ее страсти к стихотворству:

... И самолюбие желанье вновь родило
Еще предмет искать, еще стихи писать;
Но только сердце тут не о чижах твердило:
Тогда уж было мне осмнадцать лет
И невзначай ему явился сам предмет...

Именно в 1806 году, когда ей исполнилось восемнадцать лет, княжна Козловская встретила своего будущего мужа – Сергея Николаевича Даргомыжского.

Следующие строки стихотворения говорят о перемене в судьбе поэтессы (в 1817 году Даргомыжская с семьей переезжает жить в Петербург) и ее твердом решении не оставлять творение стихов:

... Тут вдруг судьба в столицу завела.
Привычка ли читать и делом заниматься,
Охота ли писать и славой отличаться –
Но только век пера не брошу своего.

Поскольку сведений о нашей героине слишком мало, то именно стихи являются бесценным источником информации о ее жизни, мыслях, чаяниях, радостях. Глазами самой поэтессы мы можем увидеть круг ее общения.

Дух эпохи, в которой жила Даргомыжская, сохранился в журналах 1809 – 1837 годов («Благонамеренный», «Цветник», «Северные цветы», «Славянин», «Библиотека для чтения»), в которых печаталась Мария Борисовна. Большую часть ее произведений мы находим в журнале «Благонамеренный», соответствующем «домашнему» духу ее творений. Так, например, в одном из номеров издатель «Благонамеренного» А. Е. Измайлов (друг и учитель стихотворства Даргомыжской) объясняет, что выход журнала запоздал в связи с приездом его тещи. С добродетельным содержанием «Благонамеренного» гармонировали простодушные и теплые стихотворения Даргомыжской, в которых все необыкновенное и прекрасное заключено в реальности, живет рядом с поэтессой и ее близкими. Кроме прелестных басенок, «сказочек», стихотворений М. Б. Даргомыжской и сочинений самого Измайлова, в журнале печатались И. А. Крылов, А. Д. Илличевский, Н. М. Языков и др. Но, конечно же, хотя журнал был известен, сейчас мало кто помнит о нем так, как, например, о «Северных цветах», издаваемых А. А. Дельвигом.

В Пушкинском Доме хранятся рукописные альбомы семьи Даргомыжских⁵. Такой альбом – своеобразное хранилище истории, духа эпохи, это маленький дом

⁵ См. об этом: Корнилова А. В. Мир альбомного рисунка. Русский альбомный рисунок конца XVIII – первой половины XIX вв. Л.: Искусство, 1990. С. 71, 87; Вацура В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750 – 1840 гг.) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 13 – 15.

для души и сердца тех, кто оставлял в нем свои пожелания, обращения к владельцу альбома. Владельцы заводили альбомы для различных целей. Для нас представляют интерес, в первую очередь, альбом-поучение для юной дочери⁶ и альбом-переписка с возлюбленным, впоследствии мужем, С. Н. Даргомыжским⁷.

Княжна Козловская принадлежала к древнему аристократическому роду Рюриковичей, и ей пророчили блестящее будущее. Но судьба решила иначе. Как удалось установить, в девятнадцать лет она была увезена из родного дома своим будущим мужем, Сергеем Николаевичем Даргомыжским⁸. Даргомыжский, мелкий почтовый чиновник, не мог рассчитывать на женитьбу с Марией Борисовной Козловской, и свадьба состоялась против воли родителей молодой княжны, быть может, даже без их благословения. Вот, наверное, почему в некоторых своих произведениях («Ответы на присланные мне из Москвы вопросы», «Советы моей дочери») она говорит о стремлении «все, богатство, честь и славу в нем одном лишь находить». Мария Борисовна любила, была любима и поэтому прожила счастливую жизнь. Но с самого рождения ее преследовала скитальческая доля: до 1817 года – бесконечная дорога между Петербургом и Смоленской губернией, где находилось родовое имение ее родителей, после этого – переезды с семьей с квартиры на квартиру в Петербурге. Этот город стал для нее неким приговором за неисполнение дочернего долга и забрал у нее при жизни самое дорогое – троих из шести детей. После смерти первенца Эраста Даргомыжские поселяются в доме № 14 по улице Грязной (ныне Марата). Переезд на Васильевский остров в дом № 9/1 по Николаевской набережной связан со смертью любимой дочери Людмилы:

Гляжу я уныло на арфу твою,
О, друг мой Людмила, замолкла она!

Самый активный период творчества Даргомыжской пришелся на 1826 год, когда семья проживала в доме Жербина на Театральной площади, а летом – на даче на реке Карповке.

В жертву любви Мария Борисовна принесла не только богатство, но и саму себя. Непослушание, неблагодарность родителям в ее глазах равны измене самой себе, Богу. Может быть поэтому, многие ее сочинения посвящены «детской благодарности, искренности, невинности и добродетели»; в своих поэтических строках она раскаивается перед Богом, родителями за свой проступок, за неповиновение дочернему долгу и воле родных. Так, в песенке «Глас невинности и благодарности»⁹ и в детской опере «Трубочист или доброе дело не остается без награды»¹⁰ она учит своих чад не повторять ее ошибок и быть вечною отрадою и утешением для своих родителей.

Детская песенка «Глас невинности и благодарности» по частоте слога очень похожа на молитву, которая льется из открытой детской души под музыку сердца. Все творения Даргомыжской, в которых видится доброта, нежность и чувствительность сердца Марии Борисовны, пропитаны духом домашнего очага. Мария Борисовна как гостеприимная хозяйка приглашает читателя в этот теплый мир чистоты и искренности сердца, добродетели в мыслях, а простодушие автора

⁶ Альбом Л. С. Даргомыжской, 1811. РО ИРЛИ, Ф. 296. Р. 1. Оп. 12. № 4.

⁷ Альбом С. Н. Даргомыжского «Всячина. 1810». РО ИРЛИ, Ф. 296. № 4408.

⁸ См: Послужной список С. Н. Даргомыжского. РГИА. Ф. № 1343.

⁹ Благонамеренный. 1826. № 5.

¹⁰ Благонамеренный. 1822. Ч. 20. № 44 – 45.

делает обыденное возвышенным. Ее стихотворения полны какой-то небесной легкости, будто полет маленького чижика с его воздушными крылышками.

Хотя гибель Чижика и перевернула внутренний мир Даргомыжской, именно это событие открыло для нее отраду творчества, спасавшего ее в течение всей жизни. Стихотворство в некотором роде заменило счастье, которое она испытывала от общения с чижиком. Но эта «замена» – измена всему прошлому, маленькой жизни, обмен-обман, заключенный в превратности и переменчивости Судьбы. Поэтому впоследствии она не смогла понять слишком неравного обмена живого существа на портрет и не смирилась со смертью своих детей:

В моем судьбою угнетеньи
С тех пор как друга сердца нет,
Одно лишь было утешенье –
Его портрет¹¹.

Может быть, поэтому она перестала писать стихи?..

Судьба будто специально испытывала Даргомыжскую самым страшным для нее и топила в слезах мгновенья счастья. С этой болью Даргомыжская смогла прожить еще пятнадцать лет, хотя стихотворство она похоронила вместе с детьми... Поэтому в ее творениях мы переносимся в мир тепла и добра, поистине достойного и праведного существования среди хаоса истории. И этот мир сохраняет нашу душу от суеты и посредственности...

¹¹ См: М. Б. Даргомыжская. «Николаю Александровичу С...ву». РО ИРЛИ. Ф. 296. № 4334.